

Максим Кызыма

Проклятие лесного
озера

Максим КЫЗЫМА

Проклятие лесного озера

«Издательские решения»

Кызыма М.

Проклятие лесного озера / М. Кызыма — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859280-5

Есть места на карте, которые скрывают страшные тайны. Тайны, которые не хочется раскрывать, от которых лучше держаться подальше. Где-то, между двумя крупными городами, расположилась маленькая деревушка, затерявшаяся среди вековых деревьев древнего соснового бора, раскинувшегося на берегах живописного лесного озера. Над безмятежной гладью этого озера нависло ужасное проклятие, столкнувшись с которым, уже невозможно повернуть назад.

ISBN 978-5-44-859280-5

© Кызыма М.
© Издательские решения

Содержание

Где-то в деревне	6
1. Лесное озеро	7
2. Затерянная деревня	11
3. Дом на холме	16
4. Тамара	21
5. Старик	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Проклятие лесного озера

Максим Кызыма

© Максим Кызыма, 2018

ISBN 978-5-4485-9280-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Где-то в деревне

Он шёл по ночной деревне. На необъятное покрывало бескрайнего ночного неба с бесчисленными звёздами, беспорядочно рассыпанными, словно порванные бусы, лениво вывалилась пузатая жёлтая луна. Его взгляд бегал по старым деревянным изгородям, изрядно покосившимся, а местами и вовсе рухнувшими на землю и поросшими высокой сорной травой; по щербатым крышам, выложенным листами шифера, почерневшими и раскрошившимися от времени и дождей. Закрытые ставни окон, а кое-где даже наглухо заколоченные гвоздями, говорили о том, что местные жители чего-то боятся. Если бы он попробовал подойти к какой-нибудь калитке и открыть её, то наверняка бы обнаружил, что она закрыта изнутри на прочный засов или вовсе заколочена наглухо, да и само жилище давным-давно заброшено. Впереди, и позади него, надсадно лаяли собаки, те немногие, что остались в окрестностях, но стоило только поравняться с ними, как они тут же замолкали, лишь изредка поскуливая из своего укрытия. Как только он миновал их – они снова начинали лаять и выть. Собаки, как, впрочем, и все местные животные, боялись его. Будь то волкодав или просто дворовый, прожжённый бродячей жизнью пёс – не важно: они все боялись его. Нужно сказать, что домашних собак осталось мало. После того как многие жители покинули свои дома, большинство, конечно же, не по своей воле, собаки разбрелись по всей округе, сбиваясь в стаи и ища укрытия вдали от людского обитания, где, с недавних пор, стало небезопасно. Это был далеко не первый его визит в эти края. С заходом солнца к нему возвращалась жизнь и способность двигаться, и он поднимался и выходил из своего дневного убежища. Убежищем служил какой-то ветхий незнакомый дом, куда непослушные ноги сами несли его под утро. Какая-то неведомая, непреодолимая сила, которой он не мог противостоять, толкала его сюда, на эти улицы. В памяти всплывал призрачный, размытый образ женщины в длинном чёрном одеянии. Где-то глубоко в душе он осознавал, что именно она является причиной его страданий, а муки он испытывал постоянно, нет, не физические боли, хотя и они тоже иногда присутствовали, а то, что он делал, выходя в очередной раз из своего убежища и ища себе новую жертву. Первое время жертв было много, стариков он уже не считал. Больше всего его угнетало то, что страдали невинные дети и женщины. Первой его жертвой стал мальчик лет восьми, тот даже не успел понять, что происходит, как был забит до смерти, а позже буквально разорван на части. До сих пор на одежде сохранилась его кровь, как, впрочем, и всех остальных его жертв. Когда он руками и зубами рвал плоть и сухожилия – слезы текли из глаз от осознания того, что он делает, и смешивались с кровью. Он не хотел всего этого и всем своим естеством жаждал умереть, но не мог – тело не принадлежало ему. Сейчас жители стали осторожнее и внимательнее, уже не встретишь, тем более в такое позднее время, на улицах праздных зевак, подвыпивших мужчин, засидевшихся в гостях и теперь неровной походкой возвращающихся домой. Самым страшным в его положении было то, что он чётко осознавал всё происходящее, и это ужасало его. И за всеми этими чудовищными событиями стояла та женщина в чёрном балахоне.

1. Лесное озеро

Тёмно-вишнёвая «девятка» рассекала плотный, раскалённый воздух июльской жары, шины монотонно шелестели по мягкому, расплавленному асфальту, солнце безжалостно жгло руки, лежащие на руле, и лицо, пытающееся спрятаться за солнцезащитным козырьком. Приборная панель нагрелась так, что, казалось, на ней можно было жарить котлеты. «Эх, сейчас бы искупаться!» – мечтал Вадим Сорокин, утирая мокрое от пота лицо уже насквозь промокшим платком. Перед поездкой он изучил карту и теперь вспомнил, что где-то в этой местности должно быть озеро. Вадим приглядел впереди удобное для остановки место и, приняв вправо, съехал на обочину. Немного порывшись в «бардачке», он достал из кучи различного хлама изрядно потрёпанный «Атлас автомобильных дорог России», издание 1996 года. Сейчас был 1998 год, но за эти два года едва ли что-то существенное могло измениться в нашем дорожном строительстве, этим Атласом можно было смело пользоваться ещё пару лет, а то и больше. По крайней мере, Вадим не собирался в ближайшее время его выбрасывать. Найдя нужную страницу, он отметил, что неподалёку действительно находится небольшое озеро, где-то между населённым пунктом с выразительным названием Светлый, который он только что проехал, и деревней Лесное. Путь предстоял ещё очень неблизкий, и Вадим, без лишних раздумий, прикинув в уме маршрут, двинулся дальше, ища заветный свёрток на грунтовку. Съезд появился километров через пять, Вадим едва успел сбросить скорость, прежде чем начать спуск с крутой обочины. «Девятка», шаркнув брюхом гребень заросшей травой дороги, опустилась в колею и осторожно, словно собака взявшая след, поползла по полю в сторону леса. Судя по карте, озеро находилось за деревьями, которые маячили впереди. Огромные ветвистые сосны тянулись к небу, окружающий пейзаж завораживал. Но любоваться окрестностями не было времени, Сорокин планировал быстро искупаться и вернуться на трассу. Достичь родного города предполагалось поздно ночью. Дальше дорога стала немного ровнее, Вадим отметил, что ей всё-таки пользуются, это было видно по накатанной колее. Подъезжая к деревьям, он уже был готов увидеть заветные блики воды, но обнаружил, что дорога ведёт ещё глубже в лес. Ветви деревьев жадно сомкнулись над головой, принимая под свою тень автомобиль, неестественно выделяющийся ярким вишнёвым пятном на фоне буйной зелени и высоких вековых сосен. Вадим начинал сомневаться в правильности своего решения: «Сколько ещё придётся проехать, прежде чем я достигну озера? Да и можно ли там будет купаться?» – размышлял он. То и дело на дороге возникали ямы, в которых переплетались корявые корни деревьев. Приходилось осторожно объезжать эти ямы, опасаясь провалиться колёсами в песок и застрять здесь, но вскоре показался долгожданный берег, и все сомнения Вадима, в правильности принятого решения, развеялись сами собой. Деревья лениво расступились, обнажив песчаный пляж, кое-где расположились заросли камыша, повеяло спасительной свежестью. Вадим остановился у самого берега и, выйдя из машины, стал жадно глотать прохладный свежий воздух. От нахлынувшей лёгкости закружилась голова, и Вадим сел на песок. Но время поджимало, нужно было продолжать путь, а стрелки часов уже подобрались к пяти часам вечера. Вадим разделся и зашёл в воду, вода была тёплой, а на дне оказался чистый песок. Вода была такой прозрачной, что можно было во всех деталях разглядеть песчаное дно и разноцветных мальков, снующих из стороны в сторону. Вадим слышал, что в Курганской области много песчаных лесных озёр, но сам оказался в таком озере впервые. Ему не хотелось выходить из воды, и он плавал и нырял, пока не замёрз. Выйдя на берег, Сорокин расстелил на песке покрывало, служившее накидкой на заднем сидении, и прилёг, решив немного обсохнуть и погреться на солнце, прежде чем отправится домой. Едва опустившись на покрывало – Вадим тут же заснул.

Ему снилось, что всё небо заволочло чёрными грозowymi тучами, и на озере поднялись волны, подгоняемые порывами ветра, они жадно бросались на берег, словно пытаясь выбраться

на сушу и пойти дальше. Дождя не было, но вдали уже сверкали молнии, разрезая небо на части и озаряя вспышками всё вокруг. Вадим поднялся и направился к машине, чтобы укрыться от непогоды, но с ужасом обнаружил, что она куда-то исчезла. На её месте остались следы от колёс, но они вели только в одном направлении, направлении озера. Не зная, что и думать, Вадим встал под большим деревом, где широкие, увесистые лапы старой сосны могли укрыть его от дождя. Внезапно стемнело так, будто наступила ночь, полил ледяной дождь, стало невыносимо холодно. Вадим сжался, растирая тело руками, пытаясь согреться. Над головой хрустнула ветка, и Сорокин, инстинктивно задрал голову в направлении шума, посмотрел вверх. Примерно в полуметре над его головой сидел ворон огромных размеров, с чёрным, как сажа, оперением. Ворон пристально смотрел на Вадима, сверкающие красные глаза источали человеческий разум. Ворон оглушительно каркнул, шумно взмахнул крыльями, и тяжело оторвавшись от ветки, полетел прямо через стену наступающего дождя. Что удивительно, дождь как будто обтекал его, и струи падающей с неба воды расступались под тяжёлыми взмахами крыльев птицы. К ногам Вадима, медленно кружась, несмотря на порывы ветра, опустилось перо. Вадим поднял его: дождь прекратился, ветер стих, снова стало светло, и Вадим проснулся.

Проснувшись, Сорокин с тревогой огляделся по сторонам, ожидая увидеть последствия бури, и первым делом обратил внимание на то место, где стояла машина, но с ней всё было в порядке. Следов ливня нигде не было видно, по озеру пробегала лишь мелкая рябь. Вадим успокоился. Единственное, что его огорчило – время. Солнце уже подбиралось к горизонту, оно вот-вот должно было скрыться из виду. Встречать закат на озере – не входило в планы Сорокина, он стал сворачивать покрывало. В складках мелькнуло что-то чёрное, и Вадима непроизвольно бросило в дрожь, когда он поднял большое, размером с ладонь, чёрное перо. Сразу вспомнилась та странная птица из недавнего сна, но это показалось таким абсурдным и нереальным, что Вадим немного успокоился. «Это всего лишь сон... Усталость дала о себе знать», – он подошёл к машине, закинул покрывало на место и сел за руль. Повертев в руке найденное перо, Вадим выбросил его в окно и запустил двигатель. Он посмотрел на часы, установленные на приборной панели, – двадцать два десять. Выходит, что он проспал пять часов. Вадим, громко ругаясь на свою беспечность, выжал сцепление и включил заднюю передачу. Немного сдав назад, развернул «девятку» и поехал по уже знакомой дороге, в сторону трассы. Пока ещё можно было различить дорогу, и он старался не попасть колёсами в ямы, но путь показался длиннее, чем в прошлый раз, и лес никак ни хотел заканчиваться. Казалось, что деревья уже должны были остаться позади и появиться поле, но за каждым изгибом дороги возникал новый изгиб, а потом ещё и ещё, лес не хотел отпускать его. «Да тут же была прямая дорога! Какого лешего происходит?! Этого просто не может быть!» – недоумевал Вадим, накатила паника. Он уже битый час укатывает лесной дёрн, но ни малейшего намёка на то, что эта дорога выведет его из проклятого леса. Быстро темнело, дорога стала едва различима в вечерних сумерках, и пришлось включить фары. Луч света то и дело выхватывал из сумерек корявые ветви и толстые стволы сосен, заставляя их отбрасывать кривые, длинные тени. Тени двигались и плясали в свете фар, казалось, они пытаются дотянуться до него, схватить и вытащить из машины, прямо на ходу, а потом... Становилось жутко. Неожиданно на лобовое стекло западали редкие капли начинающегося дождя. В отчаянии Вадим прибавил газу, уже не обращая на ямы никакого внимания. Машину сильно трясло, «девятка» то и дело билась дном об ухабы. Прошло ещё около получаса, хотя вся дорога к озеру должна была занять всего минут пятнадцать, но лес так и не заканчивался. Спустя ещё какое-то время, Сорокин смирился с ситуацией и, приглядев небольшую полянку, остановился. Дождь перешёл в плотный ливень так, что заливало лобовое стекло, и темнота окончательно окутала лес. Немного успокоившись, Вадим понял, что колесить по ночному лесу, да ещё в такой ливень – бесполезное дело, к тому же небезопасное. Повезло ещё в том, что машина намертво не села брюхом на какой-нибудь кочке или торчащем из земли корне дерева. Вадим решил переждать ливень,

а то и вовсе заночевать здесь, в машине. Домой сегодня он уже точно не попадёт, а силы, как, впрочем, и нервы, необходимо приберечь для завтрашней поездки.

Окончательно успокоившись, Вадим заглушил двигатель и устроился поудобнее на своём сидении. В кассетнике торчала затёртая до дыр кассета с песнями группы «Наутилус Помпилиус», а поскольку радио перестало ловить ещё тогда, когда он выехал из Кургана, то выбирать особо не приходилось. Да и что там интересного можно услышать – по радио. Единственное, что бы он смог здесь поймать – это «Маяк», где как всегда какой-нибудь известный медик, расхваливает лекарство от артрита или обсуждают народные методы лечения геморроя. Альтернатива «Маяку» – Казахстанская волна, транслирующая на метровом диапазоне и так же не сулящая хорошего настроения. Кассетоприёмник с жадностью проглотил кассету, какое-то время шуршал роликами и шестерёнками, а затем в динамиках запел Бутусов: «Я придумал тебя, придумал тебя. От нечего делать – во время дождя». «Как будто специально о дожде поёт!» – с горечью заметил Вадим и нажал на перемотку. «Чёрные птицы слетают с луны, чёрные птицы – кошмарные сны. Кружатся, кружатся всю ночь...» – Вадим оборвал песню, снова нажав на перемотку. Слова песни вызвали в нём какую-то непонятную тревогу, они казались какими-то пророческими, уставший разум вновь нарисовал образ чёрной птицы из сна. Странно, Вадим часто слушал эту кассету и наизусть знал последовательность всех песен сборника, но сейчас песни шли не в той последовательности, более того – песни о чёрных птицах вообще не должно было быть на этой кассете! Сорокина бросило в дрожь, он продолжал в ступоре держать палец на перемотке, боясь отпустить и снова услышать знакомую песню. Кассета почти полностью домоталась до конца, когда Вадим отпустил кнопку. На этот раз играла песня «Бриллиантовые дороги». Нет, он определённо переутомился и перенервничал, поэтому сейчас мерещится всякая чертовщина, да ещё этот дождь... Когда он закончится?.. Нужно поспать, а утром всё встанет на свои места. Заперев все двери, Вадим выключил музыку и попытался заснуть, но сон не шёл. Вадим лежал, если так можно было назвать ту неудобную позу, которую он принял на откинutom до упора сидении. Уставшие глаза безучастно следили за потоками воды, стекающей по стёклам. Дождь неумолимо барабанил по крыше, создавая непрерывный металлический гул, ветви деревьев раскачивались под порывами ветра, время от времени раздавался треск ломающейся ветки, не выдержавшей напора стихии. Цифровые часы на приборной панели мигали двумя зелёными точками, разделяющими часы и минуты, время только что перевалило за полночь. Мысли Сорокина летали далеко отсюда, он вспоминал свадьбу сестры, на которую ездил в Курган и откуда сейчас возвращался домой – в Челябинск. Когда ему пришло приглашение, он раздумывал, на чём поедет: поездом, или на машине, или третий вариант – автобус. Но пять часов трястись в такую жару в автобусе, плотно забитым людьми, Вадим не хотел, как не хотел и сидеть половину дня на деревянных лавках электрички. В итоге он выбрал машину, да и оставлять автомобиль без присмотра на три дня показалось ему неприемлемым. Не сказать, чтобы на свадьбе было весело, по крайней мере, для него. Куча незнакомых людей и стандартные, нудные конкурсы быстро утомили его. Нет, с сестрой он, конечно, ладил хорошо, да и жениха знал ранее, но разве во всей этой свадебной суете у невесты бывает время на общение с гостями? Конечно нет. Все родственники были со стороны жениха, люди малознакомые, к тому же совершенно других взглядов на жизнь, и разговор ни с кем не завязывался. Сорокин, сидя за столом, наблюдал, как наполняются бокалы водкой, праздничные угощения таяли на глазах и на их месте появлялись новые, но желудок был уже полон. Спиртное, вместо того чтобы повышать настроение, сильно клонило в сон, и Вадим уже просто перестал выпивать содержимое своей рюмки, а на вопрос: «Где твоя тара?» – отвечал, что уже налито и тянулся к остальным для очередного «вздрагивания», затем снова ставил нетронутую рюмку на место – до следующего раза. Едва досидев первый день свадебных гуляний, Вадим решил не оставаться на второй, молодожён он поздравил, подарок вручил, но сестра никак не хотела его отпускать. Лишь после полудня, Вадиму уда-

лось выбрать подходящий момент и, откланявшись перед уже изрядно захмелевшими молодёжками, он отправился в обратный путь, конечно же, сам он спиртного в этот день не пил. И вот теперь, его как-то угораздило наглухо застрять в этом странном лесу, который на карте-то был обозначен как маленькое зелёное пятнышко на берегу водоёма. На деле же, он больше часа кружил между деревьев и так и не нашёл выезд из леса. А кружил ли?.. Ведь он никуда не сворачивал, дорога была прямая, как ствол винтовки, лишь изредка изгибалась, но никаких свёртков и разветвлений не было. Да и занимала минут пятнадцать – не белее. Всё это никак не укладывалось в голове у Вадима, и все эти мрачные мысли безжалостно отгоняли сон.

Внезапно на крышу машины что-то опустилось, что-то тяжёлое. Вадим замер, напряжённо вслушиваясь в странные звуки, издаваемые чьими-то лапами, а это были именно лапы и, судя по редкой поступи, принадлежали они двуногому существу. На крыше кто-то медленно прохаживался, скрипя когтями о поверхность, в салоне стало невыносимо холодно, по стёклам поползли узоры инея, на выдохе изо рта вырвалось маленькое облачко пара. Вадим съёжился от холода. С потолка, на переднее пассажирское сидение, медленно опустилось что-то чёрное невесомое, затем движение на крыше прекратилось, раздались громкие хлопки, похожие на взмахи тяжёлой поднимающейся птицы, и следом за этим послышался удаляющийся женский смех. Вадим не мог поверить своим ушам, смех был отчётливым и в конце перешёл в хохот, так смеются злодеи, загнавшие свою жертву в угол и жаждущие поскорее приступить к расправе. Хохот быстро растаял где-то вдалеке, дождь начал стихать и через какое-то время закончился, стихли так же и порывы ветра, холод отступил, и узоры исчезли с окон, как будто их не было вовсе. Сорокин лежал на своём месте боясь пошевелиться. В своём ли он уме? Спит? Или всё происходит на самом деле? Он протянул руку к пассажирскому сидению и поднял упавшую с потолка вещь – это было перо. Вадим даже мог поклясться, что это то же самое перо, которое он выбросил в окно. Но как?! Пересилив страх, Вадим, трясущейся от напряжения рукой, нащупал под своим сидением длинную отвёртку, сжал её, затем открыл дверь и выскочил из машины. Его обдало холодным, влажным воздухом. Первое что сделал Вадим – это посмотрел на крышу машины: поверхность была исцарапана, как будто её скребли сухой веткой, повсюду виднелись небольшие вмятины, заполненные дождевой водой. Была глубокая ночь, но света было достаточно, чтобы можно было всё это разглядеть. Где-то в голове отчётливо прозвучал голос, женский голос: «Ты останешься здесь... Другого выхода... нет... нет...» На горизонте блеснула запоздалая молния и выхватила из темноты одинокую фигуру в чёрном балахоне, стоящую под развесистой сосной. Но Сорокин не видел этой странной тени: она находилась у него за спиной...

2. Затерянная деревня

Вадим ворочался на сидении, ему пришлось запустить двигатель и включить печку, чтобы согреться. Часы показывали три ночи. Всё время, начиная с тех пор, как он забрался обратно в машину, его не покидало тревожное чувство, что за ним кто-то пристально наблюдает, кто-то невидимый глазу, но находящийся неподалёку. Ощущение было такое, как будто наблюдатель находится не в каком-то определённом месте, а одновременно повсюду, словно это место и было тем самым наблюдателем. Наверное, именно так чувствует себя человек, живяём проглоченный огромной, плотоядной рыбой и осознающий свою безысходность и ничтожность перед неизбежностью. Мучительно долго тянулось время. Воспалённый разум рисовал уродливые, чудовищные образы ночных существ, прячущихся повсюду в ночной темноте, только и ждущих момента, когда он потеряет бдительность или уснёт, чтобы напасть на него и разорвать в клочья острыми, кривыми зубами и длинными крючьями – когтями, или ещё хуже – утащить в своё логово и там постепенно, медленно поедать заживо. Вадима бросило в дрожь. Он уже думал, что сойдёт с ума, когда среди высоких стволов деревьев забрезжили слабые отблески восходящего солнца. Становилось всё светлее и светлее, и через какое-то время луч солнца, перебравшись через густые макушки деревьев, ослепил Вадима. Солнечные лучи играли на влажном стекле автомобиля, многократно отражаясь и усиливаясь, проходя сквозь капли влаги, в бесчисленном множестве разбросанные по стеклу. Страх отступил, словно хищник, почувствовавший превосходство своей жертвы и решивший временно ретироваться, затаиться, пока не наступит подходящий момент, чтобы вновь наброситься и закончить начатое. На душе стало немного спокойнее, но тревога осталась. Несмотря на потрясение, пережитое ночью, Вадиму удалось немного поспать. Когда он открыл глаза – на часах было десять утра, и проснувшийся лес уже не казался таким страшным, как ночью. Повсюду слышались песни птиц: стук дятла, неустанно отбивающего дробь о ствол дерева, переливистый свист соловья и прочих лесных завсегдатаев, кого Вадим не смог бы назвать, но определённо был знаком с их творчеством. «Что-то я задержался в этих краях», – подумал Вадим и запустил двигатель. Пока машина прогревалась, Сорокин решил выйти на свежий воздух – размять затёкшие конечности, а заодно и осмотреться. Как он и предполагал: другой дороги не было. На полянке, где стояла машина, не хватило бы места для разворота, собственно, и полянкой-то это нельзя было назвать, так – площадка под деревом, свободная от коряг и камней. Как помнилось Сорокину, дорога, по которой он сюда приехал, была абсолютно прямой: никаких свёртков, никаких перекрёстков, никаких проездов между деревьев, достаточно широких, чтобы можно было протиснуться на машине. Оставалось только одно направление – вперёд. Сейчас, утром, он осознавал это как единственный выход, голова была ясной и сомнений, в том, что нужно делать, не возникало. Вадим сел в машину, предварительно заметив, что колёса сильно просели в мокром песке, а на мятую крышу, с многочисленными царапинами, он решил вообще не обращать внимания. «Вернусь домой – там и подумаю, что же на самом деле здесь произошло, – решил Вадим. – А пока, нужно выбираться отсюда. И чем скорее – тем лучше!» Он немного сдал назад, упёршись задним бампером в огромный муравейник, громко выругался, пожелал муравьям на прощание, чтобы они провалились вместе со своим муравейником туда, где у человека заканчивается позвоночник и начинаются ноги и, выкрутив тугой руль в сторону дороги, двинулся на поиски выезда из этого странного, негостеприимного леса. Машина шла туго, колёса увязали в мокром песке, но вот почва стала более твердой, и Вадим облегчённо вздохнул. С обеих сторон дороги мелькали бесчисленные стволы сосен, под колёсами шуршала сухая хвоя, нападавшая с деревьев и теперь плотным ковром лежавшая на дороге, прикрывая песок. Вдалеке, в этом хвойном тоннеле, показалось белое пятно яркого света. «Вот он! Выход был совсем рядом, я чуть-чуть не доехал до него ночью!» – как ребёнок

радовался Вадим. Наконец, дорога вышла на открытую местность, но это было не поле, прилегающее к трассе, а небольшая долина, расположенная вдоль озера, и на ней начиналась... деревня?.. Да, это была именно деревня, расположенная вдоль большого озера. Деревенька была маленькая, поэтому Вадим не удивился, что не заметил её с того берега, где купался. По мере того как Сорокин приближался к домам, его одолевала какая-то непонятно откуда взявшаяся тревога. Вокруг не было никаких признаков жизни. Обычно в таких населённых пунктах жизнь кипит с раннего утра: пасутся гуси, утки, по лугам лениво бродят коровы, дети играют на берегу. Здесь же – ничего этого не было, хотя дома не казались заброшенными. Поравнявшись с первыми домами, Вадим почувствовал что-то неладное: на многих домах ставни были заколочены наглухо; на воротах мелом или краской выведены кресты и какие-то надписи, некоторые уже полустёрты от дождей; перекошенные заборы, как будто их кто-то пытался разобрать по доскам; переломанные кусты сирени под окнами, истоптанные ветки разбросаны вдоль фундамента. Было много и обычных домов, с признаками жизни, но так же закрытыми от внешнего воздействия. Где-то в деревне лаяли собаки – обычная дежурная перекличка дворовых псов, что говорило о присутствии человека в этом необычном месте. Где собаки – там и человек: эти два существа с древних времён шли вместе, создав тесный взаимовыгодный союз. Собаки означают близость человека, значит, в деревне есть люди. Если есть люди, значит, есть связь с внешним миром, и где-то неподалёку должна быть дорога, которая выведет его из этого леса. «Девятка» медленно катилась по деревенской улице. Асфальтом, конечно же, здесь и не пахло, но дорога была хорошо накатана, скорее всего, колёсами телег и копытами лошадей, признаков которых, как ни странно, нигде не было видно. По правой стороне улицы, в глаза бросилась припаркованная у ворот «шестёрка» жигулей, устало накренившаяся на левый бок. Вадим остановился рядом с ней и вышел из машины. Дом был ухожен: ворота выкрашены зелёной краской, ещё не успевшей потускнеть на солнце; в небольшом палисаднике, примыкавшем к дому, росли кусты сирени и молодая яблоня с мелкими ранетками; чистые окна были занавешены изнутри плотной, не пропускающей свет тканью. Но, что было более примечательным, во дворе слышалось урчание собаки, негромкое, но уверенное. Вадим подошёл к калитке и постучал, затем подождал немного и повторил ещё раз. Никакой реакции не последовало: никто не выглянул в окно, никто не вышел на крыльцо, лишь собака надрывно залаяла, недовольная тем, что кто-то осмелился нарушить покой охраняемых ею владений. Сорокин, не теряя надежды на встречу с хозяевами дома, решительно шагнул к палисаднику и открыл калитку, ведущую внутрь. Подойдя к окну, он настойчиво постучал в стекло. Похоже, что кроме собаки его никто не слышал, но скорее всего, хозяев не было дома. «Может быть, у местных сегодня какой-нибудь праздник, и они где-нибудь поблизости, на поляне, отмечают его всей деревней?» – подумал Вадим и, развернувшись, направился обратно к своей машине. Проходя мимо «шестёрки», он понял причину её крена на левый бок – спущенные шины. Оба левых колёса стояли на ободах, передняя и задняя покрышки были полностью спущены, причём правая сторона была целой. Расстроившись, Вадим сел в свою машину и двинулся дальше. В какой-то момент, боковым зрением, он заметил, как плотная штора на окне, куда он стучался, приоткрылась, и на короткий миг в окне появилось чьё-то лицо, а потом лицо снова скрылось за шторами. «Странное место... И люди здесь странные... Если они вообще здесь есть!» – думал Вадим, проезжая дом за домом. Он приближался к окраине деревни, когда заметил на лавочке, у ворот одного из домов, дряхлого старика. Старик с отрешённым видом курил самокрутку, весь его вид говорил о душевном спокойствии и отчуждённости от окружающего мира, как будто он был не здесь, на лавочке, в забытой богом деревне, а где-то очень далеко, возможно, даже в совершенно другом мире, известном лишь его воображению. Когда Вадим подошёл к старику, тот поднял на него поблекшие, потянутые белой пеленой глаза.

– Здравствуй, дедушка! – поздоровался со стариком Вадим. – Не подскажешь мне, как отсюда выбраться? Заблудился я тут, в ваших краях, дорогу найти не могу! Хорошо хоть ты

мне встретился, а то я уже думал, что в округе нет никого. Пока ехал – ни одной живой души не встретил. Где народ-то весь?

Дед не спеша сделал большую затяжку, самокрутка уменьшилась на глазах, истлевшая часть отвалилась и тут же была подхвачена лёгким порывом ветра, который развеял пепел.

– Уехали они... Почти никого не осталось, нечего здесь больше людям делать, – дед сделал ещё одну затяжку, оставив от самокрутки небольшой окомок, потом долго сидел, не выпуская дым, Вадим даже удивился такой крепкой дышалке, которой никак нельзя было ожидать от такого ветхого старика, и, наконец, закончил, – и тебе тут, сынок, делать нечего.

Вадим ожидал продолжения, но старик молчал, что-то обдумывая. Тут взгляд Сорокина упал на входную калитку. На калитке был выведен большой крест, висел небольшой пучок полыни, но самое интересное – это надпись, почти неразборчивая, Вадим едва смог прочитать строки, выведенные корявыми буквами:

*Отче наш, на тебя лишь уповаем.
Не оставь детей своих в годину лихую,
Спаси не тела, но души наши,
Ибо тело – тлен, а душа – вечна!
Защити жилище сие от сил нечистых,
Аки воронов стая над головами кружащих.
Не за себя просим, но за детей наших.
Аминь!*

Смысл слов был настолько странным и необычным, что ввёл Вадима в глубокое оцепенение, и он не сразу услышал старика, тот звал его:

– Сынок, сынок, – он уже не первый раз окликал Вадима, но тот находился в какой-то прострации и только сейчас обратил внимание на старика.

– Дед, что у вас тут происходит?! Что за чертовщина здесь творится? – спросил Вадим, подозревая, что дед ничего ему не сможет толком объяснить или просто не захочет.

– Дорога здесь одна, – как будто не слыша заданного вопроса, говорил старик, – но назад ты проехать не сможешь: ночью дождь сильный был, вся дорога в той стороне размыта, там сейчас даже пешему человеку делать нечего. Езжай прямо, никуда не сворачивай, за деревней снова начнётся лес, а там просека выведет тебя к большой дороге. Только запомни одно: нигде не останавливайся, пока не покинешь лес. Особенно, когда будешь проезжать мимо одинокого холма, на котором стоит заброшенный дом.

Старик долго молчал, уставившись себе под ноги, а Вадим не решался лезть к нему с вопросами, до последнего надеясь, что тот очнётся и сам начнёт рассказывать.

– Тебе нужно поторопиться, пока не стемнело, ночью всякое может случиться... – старик поднялся с лавки и шагнул к воротам, открыл дверь и, обернувшись, бросил напоследок, – надеюсь, больше с тобой не увидимся.

– Но как же... – начал было Вадим, но ворота закрылись, и послышался скрежет задвигаемого металлического засова. В глаза снова бросились странные надписи на воротах.

Сорокину ничего не оставалось, кроме как сесть в машину и поехать в том направлении, куда указал старик. Многие из слов старика было непонятно Вадиму, например, что нужно успеть уехать до наступления темноты, ведь было только два часа дня, и до заката оставалось ещё очень много времени. Так же показались странными слова о том, что старик надеется больше никогда не увидеть его. Вот только почему?.. Прежде чем двинуться дальше, Вадим заметил, что из дома напротив за ним наблюдает какой-то человек. Ставни на окнах были закрыты, и человек наблюдал через приоткрытую калитку, но стоило Вадиму повернуть голову в сторону наблюдателя, как тот поспешил скрыться из виду, неуклюже захлопнув за собой

скрипучую калитку. «Значит, живут всё-таки люди здесь! Похоже, старики одни остались, да и те из ума выжили! Ну, да и чёрт с ними! В одном старик прав был: прямо нужно ехать – так быстрее дело пойдёт, как-то же они отсюда выбираются», – размышлял Вадим, медленно двигаясь в сторону леса. Последний дом остался позади, какое-то время тянулся луг, а затем начался уже до боли в глазах знакомый сосновый бор. Днём он не казался таким мрачным – скорее наоборот. «Девятку» накрыла прохладная тень. Вдоль дороги тянулись прямые стволы высоких, стройных сосен, словно огромная армия выстроилась перед дальним походом; землю укрывали ковры мха, обильно посыпанные прелой хвоей и сосновыми шишками; в низинах попадались островки папоротника – орляка, и кое-где встречались кусты можжевельника. Почти сразу, справа от дороги, Вадим увидел одиноко стоящий дом на холме, укрытый между двух высоких елей. Дом выглядел ухоженным и вполне обитаемым. Тропинка, выложенная крупным щебнем, вела от подножия холма к самому крыльцу; метрах в пяти от крыльца стоял колодец, он был закрыт типичным двухскатным козырьком и напоминал маленький сказочный домик, снаружи торчала только ручка; двор был огорожен невысоким забором из штакетника, ровным, с аккуратной калиткой; дверь на веранду была открыта, по-видимому, хозяин решил проветрить дом. Вадиму захотелось остановиться и зайти, но побоявшись, что хозяин окажется такой же негостеприимный, как и все жители этой деревни, он проехал мимо. Чуть поодаль, на противоположной стороне дороги, открывалась большая поляна, с редкими, одиноко растущими соснами. Всю поляну занимало старое, обветшалое кладбище. Вадима удивило, что жилой дом, который он только что проехал, находится так близко от погоста. Какого нормального человека могло устроить такое жуткое соседство? Могилы были разбросаны беспорядочно, наиболее старые захоронения уже сравнялись с землёй и выдавали себя лишь перекошенными каменными надгробиями, сплошь покрытыми мхом. Внимание Вадима привлекло странное зрелище, от неожиданности он даже остановился: вдоль всего кладбища тянулись свежие земляные насыпи, над каждой такой насыпью нависал деревянный крест. Кресты были такими же свежими, как и эти земляные насыпи, казалось, они ещё источали запах свежей древесины и напоминали дорожные знаки на большом городском перекрестке. До сознания Вадима не сразу дошло понимание того, что это могилы: слишком уж их было много, словно кто-то вспахал поле трактором, Вадим насчитал около десяти или даже пятнадцати свежих могил. «Эпидемия или какая-то болезнь – другого объяснения не вижу. Но... как же скорая помощь? Врачи из района? Неужели с районным центром нет никакой связи? Сейчас ведь не средние века, чтобы такое осталось незамеченным!» – чуть ли не вслух возмутился Вадим и тронулся дальше, ему уже не терпелось поскорее убраться отсюда. Через пятнадцать минут «девятка» упёрлась в поваленное дерево. Толстый ствол трухлявой сосны лежал поперёк дороги и преграждал путь. Такой завал можно было устранить только с помощью бензопилы или огромного топора, но топором можно было бы махать весь день и лишь к ночи добиться какого-нибудь результата. «Хоть пешком иди!» – с досадой подумал Вадим, руки бессильно опустились на колени, отчаяние полностью овладело им. Какое-то время Вадим не мог даже пошевелиться, не верилось, что выход так близко от него, но он ничего не может сделать. Возможно, где-то там, за тем деревом, долгожданный проезд, и заканчивается этот странный лес, но сейчас до него невозможно добраться. «А может, бросить машину и идти пешком до самой трассы, а там поймать попутку?» – нет, Вадим никогда бы так не поступил, потому что машина досталась ему очень нелегко. Около года он искал подработки на стройках города, откладывал деньги, часто ограничивал себя во всём, а теперь он должен бросить машину здесь? В лесу? Нет! Никогда! К тому же он любил эту машину, если бы только кто-нибудь мог знать: сколько сил и средств он в неё вложил, сколько времени провёл в гараже, ремонтируя свою «девятку» – вопроса о том, чтобы оставить её здесь, не возникло бы никогда. К тому же в ней он чувствовал себя в относительной безопасности. Нужно было что-то делать дальше, принять какое-нибудь решение. Вадим вышел из машины и подошёл к поваленному дереву. Оглядев внима-

тельно преграду, он подумал, что мог бы справиться с трухлявой древесиной, если бы у него был хотя бы топор. Конечно, это отнимет очень много времени, но других вариантов Вадим не видел. Сосна сломалась у самого основания и упала так, что напоминала шлагбаум. Как верхушка, так и основание ствола были зажаты между другими деревьями: верхушка на одной стороне дороги, основание – на другой. Оставалось только перерубить ствол в двух местах, тем самым отделив середину, перегораживающую дорогу, а затем попытаться оттащить её в сторону и освободить проезд. Сейчас первоочередной задачей было найти инструмент. Для этого необходимо вернуться в деревню и попросить топор или бензопилу у кого-нибудь из местных, и ему плевать на то, что творится в головах у этих выживших из ума деревенщин. Вадим уже собирался отойти от поваленного дерева, когда заметил на нём едва различимые надписи. Мелкие буквы плясали на коре и были выведены красной краской:

*Как мутная вода на дне,
Как чёрное перо в руке,
Пусть красная луна в ночи плывёт,
Пусть человек приезжий сам ко мне придёт!*

Ситуация всё больше и больше пугала Вадима. Сначала он решил, что ему всё это показалось, но надписи были такими же реальными, как и дорога, на которой он сейчас стоял, как и деревья, которые его окружали. Он провёл пальцем по буквам – краска была свежей. Вадим поднёс испачканный палец к лицу, чтобы лучше разглядеть краску, и мог бы поклясться, что краска, которой были выведены надписи, была не чем иным, как кровью, уже начинавшей сворачиваться и твердеть. Смутно понимая, что происходит, Вадим быстро вытер палец о ствол дерева и быстро залез в машину. С трудом развернувшись, пришлось не менее четырёх раз выкручивать руль до упора: сначала вправо и сдавать назад, потом влево – вперёд и так далее, Сорокин поехал обратно, в сторону деревни.

3. Дом на холме

Вадим остановился возле одинокого дома, заглушил двигатель и вышел из машины. Прежде чем войти, долго мялся у калитки, не решаясь сделать шаг, затем открыл её и прошёл к веранде дома. Как только он оказался во дворе, то сразу же заметил странные перемены вокруг – стояла абсолютная тишина. Неслышно было ни птиц, ни насекомых; стих ветер, не ощущалось даже лёгкого дуновения; воздух как будто стал плотнее, почти осязаемым на ощупь; появилось чувство тревоги. Создавалось такое впечатление, как будто он долго разглядывал картину на стене, а потом просто шагнул в неё и оказался внутри. Дверь по-прежнему была открыта, и Вадим нерешительно позвал: «Здравствуйте! Есть кто дома? – затем уже громче. – Можно войти?» – но никто не откликнулся на его призывы. Вадим решился пройти внутрь, он снял кроссовки, поставил их на ступени крыльца и шагнул в дверной проём. На веранде располагалась летняя кухня, небольшой деревянный стол с парой стульев, справа от входа умывальник и сразу за ним дверь в кладовку. Большое окно веранды хорошо пропускало свет, прямо под ним стояла газовая плита с красным баллоном пропана, на тумбочке, расположенной неподалёку от плиты, лежала аккуратно сложенная кухонная утварь. На полу расстелен полосатый палас, дорожкой соединяющий дверь веранды и входную дверь в дом. Пройдя по нему, Вадим перешагнул через порог и проследовал дальше, в сам дом. Входная дверь так же была открыта, поэтому никаких проблем не возникло. Внутри дома было не менее чисто и уютно: на тщательно выбеленных стенах и потолке не было ни одной паутинки. «Русская» печь занимала половину стены и начиналась почти сразу от входной двери. Над кухонным столом висели картины: «Охотники на привале», «Утро в сосновом лесу» и прочие, связанные с лесными пейзажами. В углу нависали массивные часы с кукушкой, в виде сказочной избушки. Вадим двинулся дальше – к следующей двери, за которой должны были находиться жилые комнаты, но ногой наступил на что-то выступающее, в пятку что-то больно вдавилось. Это оказалось кольцо от крышки погреба. Массивная, вырезанная в полу крышка была частично закрыта паласом, поэтому Вадим не заметил её сразу. Пока он стоял, потирая отдаленную пятку, за спиной послышался голос:

– Молодой человек, что вы здесь ищите? – голос принадлежал женщине.

Вадим вздрогнул от неожиданности и обернулся. В проёме двери стояла женщина. Лет сорока – сорока пяти, в длинном коричневом сарафане ниже колен, под которым были видны босые ноги; густые чёрные волосы собраны резинкой в аккуратный хвост, свисающий с левого плеча; выразительное лицо, со слегка заострёнными чертами, что, впрочем, нисколько не портило её привлекательности; большие карие глаза смотрели на незваного гостя; одной рукой она держалась за дверной косяк, а в другой сжимала серый платок, по всей видимости, только что снятый с головы.

– Здравствуйте. Простите меня за вторжение! – оправдывался Вадим. – Я звал, но никто не ответил. Мне показалось, что в доме кто-то есть и...

– Ладно, не смущайся ты так! Ничего страшного не случилось! Я видела, как ты вошёл. Я как раз в огороде была, с другой стороны дома, огурцы собирала, слышу – машина подъехала, потом звал кто-то – вот я и пришла, а тут гость посреди моей кухни, – женщина приятно улыбнулась, глаза заискрились каким-то детским весельем, – чем обязаны гостям дорогим? Говори не стесняйся, чем смогу – помогу!

– Там, на дороге, завал: дерево упало – проехать не могу. Вы не знаете, как отсюда выбраться можно? Может, где-нибудь объезд есть? Мне бы как-нибудь до трассы добраться, не могу уже, сил нет, как вчера сюда заехал, так плутаю до сих пор! – пожаловался Сорокин, сейчас он немного успокоился, впервые за последнее время он видел перед собой адекватного, спокойного человека, с которым можно было нормально пообщаться.

– Не удивительно, что упало – такая гроза ночью была! А пути тут всего два: один впереди, который, как ты говоришь, дерево перегородило; второй тот, по которому ты сюда приехал, мимо озера. Но та дорога, что мимо озера проходит, сейчас наверняка размыта дождем, застрянешь так, что трактором не вытащить. Нет, конечно, пока дорога по лесу идет – нормально, песок быстро воду впитывает, но когда на поле попадешь!.. Вот там-то и увязнешь по самые уши! Ты же, когда с трассы съезжал, вдоль пашни ехал? – объясняла женщина.

– Да, а потом лес начался, и за ним озеро, – вспоминал Вадим.

– Так вот, на этой пашне еще как минимум сутки делать нечего! Чернозем месить! А объезда, к сожалению, нет, люди пешком до автобусной остановки ходят, мы к таким вещам привыкли, три километра – это не расстояние. Мужиков на помощь позвать тоже не могу, потому как нет их в округе. Одни старики остались, да и те с места не сдвинутся.

– Может, у вас бензопила есть или хотя бы топор? Я дерево с дороги уберу и сразу вам инструмент верну.

– Бензопилы нет, и не было никогда! Ты бы еще трактор попросил! Одна я тут живу, уж лет десять как муж умер, да он и при жизни-то хозяином не был, чуть всё хозяйство не пропил! Вовремя на тот свет ушел. А топор я тебе дам, и ножовку хорошую, кое-что из инструмента осталось, сама пользуюсь, больше-то некому, – женщина какое-то время стояла молча, смотрела себе под ноги, а потом в растерянности всплеснула руками. – Да что это я за хозяйка такая!? Даже за стол не пригласила! Сейчас я тебя чаем напою, картошечкой накормлю, а потом и поедешь со своим деревом бороться.

При упоминании о еде, у Вадима непроизвольно заурчало в желудке: последний раз он перекусил перед тем, как отправиться со свадьбы домой, и это было еще вчера утром. К тому же завтраком послужили два бутерброда с колбасой и сыром и кружка чая, к тому времени, как Сорокин нашёл то злосчастное озеро в лесу, от утренних бутербродов не осталось даже воспоминаний. Как нельзя нестати голодному сознанию представился свадебный стол, с бесчисленным множеством различных угощений: салаты из свежих овощей и фруктов, даже креветок; мясные блюда шли с гарниром из гречки, с картофельным пюре и макаронами; соки и компоты в изобилии были разбросаны по всему столу. Около сотни гостей в течение двух дней уничтожали все эти запасы. В желудке снова заурчало, Вадиму на какое-то время даже показалось, что он теряет сознание, думать о еде было невыносимо. Женщина, похоже, услышала голос его желудка, улыбнулась и, пройдя к кухонному столу, выдвинула из-под него деревянную табуретку.

– Садись, посиди пока, а я быстренько картошечку разогрею и чайник поставлю! Вижу, сильно ты проголодался! Давно ли последний раз ел?

– Вчера, утром – ответил Вадим, одновременно усаживаясь на табуретку, отказываясь от предложенного обеда он не собирался.

– Я быстро! Сейчас газ разожгу. Тебя как зовут-то хоть? А то стоим, болтаем, а друг другу до сих пор не представились!

– Вадим. Извините, я сам что-то растерялся, – в очередной раз смутился Сорокин.

– А я Тамара Петровна, можешь просто – Тамара, – с этими словами она чуть ли не бегом умчалась на веранду.

Послышалось чирканье спички о коробок, затем шум выходящего из конфорки газа и всполох пламени, брякнул крышечкой эмалированный чайник. Тамара снова вошла в дом, чтобы достать из холодильника, стоящего в углу, слева от стола, алюминиевую кастрюльку и вновь скрыться на веранде.

– Живём в современном мире, спутники на орбиту запускаем, на носу двадцать первый век, а у нас каждый день свет отключают! К тому же не всегда к вечеру снова включают! Долги у совхоза! А люди должны со свечками вечеровать! Я уже боюсь в холодильнике еду оставлять –

испортится, иногда приходится по старинке в колодце хранить, чтоб наверняка, – рассказывала Тамара, помешивая что-то в кастрюле.

С веранды потянуло приятным запахом варёной картошки. У Вадима снова заурчало в желудке: «Слюной бы не подавиться!» – думал он, стараясь не вдыхать аромат долгожданной пищи.

Через десять минут заботливая хозяйка уже накрывала на стол: на большой тарелке красовались ровные дымящиеся картофелины, обложенные по краям кольцами лука; рядом стояла банка домашней, густой сметаны, ни в какое сравнение не идущей с той жидкой, с кислинкой, которую продают в магазинах; в салатнице красовался салат из свежих огурцов, каким-то чудом Тамара успела нарезать овощи во время своих манипуляций с разогревом обеда; банка молока дополняла весь этот, как на праздник, накрытый стол, и хозяйка делала последнее приготовления, наливая молоко в стакан. Вадим ел как в последний раз, набивая рот свежей, дымящейся картошкой и запивая густым домашним молоком. Ничего вкуснее этого он не пробовал, его удивляло: как такое простое, незатейливое блюдо может быть таким вкусным. Наверное, секрет в свежести продуктов, в их натуральности, в городе редко найдешь картофель такого качества, да и молоко преимущественно сухое. Но самое главное – это обстановка: на свежем воздухе всегда аппетит лучше, еда кажется намного вкуснее, а здесь везде свежий воздух, к тому же в хвойном лесу он особенный. В хвойном лесу своя неповторимая атмосфера. Тамара не отвлекала гостя от еды разговорами, она молча наблюдала, как тот жадно уплетает предложенное ею кушанье. И лишь когда тот немного замедлился, запивая последнюю картофелину молоком, она решилась на расспросы:

– Как тебя к нам занесло-то, Вадим?

– На озеро заехал, искупаться захотелось, такая жара стоит! Ну, а ночью ливень прошёл и всё – застрял.

– Да, озеро у нас хорошее, только купаться некому, все разбежались, одни пенсионеры остались.

Вадим вспомнил странного старика: «Уехали все, нечего здесь больше людям делать...» – интересно, что он имел в виду... и эти свежие могилы на кладбище...

– Я мимо кладбища проезжал, видел много свежих могил, что у вас тут произошло? – поинтересовался Вадим.

– Да ничего особенного, старики свой век доживают. Кто в город в своё время уехал, тех сюда теперь хоронить привозят. Как-никак их отцы, деды здесь лежат, как их в другом месте-то закапывать?! Вот и везут обратно на родину, в отчие места – на вечное упокоение.

– Слишком уж много их на вечное упокоение приехало, – заметил Вадим, он хотел продолжить расспросы о местных жителях, почему они такие странные, но Тамара встала из-за стола.

– Давай-ка я тебе чаю налью, с чабрецом! У нас тут его много растёт, – затем вопросительно взглянула на Вадима. – Ты хоть наелся?

– Да! Спасибо большое! Я даже объелся, давно так вкусно не ел!

– Да что там, обычная еда! Что на грядках растёт – то и на столе. Это у вас, в городе, разнообразие, а у нас один магазин на всё село, и то пустые полки, – с этими словами она вышла на веранду. Брякнул чайник, послышался звук наполняемой кружки, одновременно с этим Тамара что-то невнятно говорила шёпотом.

– Вы что-то сказали? – спросил Вадим, вслушиваясь в шум на веранде.

Женщина появилась в дверном проёме с большой кружкой чая:

– Не обращай на меня внимания, я ведь одна живу, сама с собой разговариваю. Тут ведь с ума можно сойти, даже поговорить не с кем, а люди, последнее время, необщительные. Да ты и сам, наверное, заметил, когда деревню нашу проезжал. Взять, к примеру, того деда, которого ты встретил.

У Вадима внутри что-то щёлкнуло, он посмотрел на Тамару, протягивающую ему кружку с чаем.

– Откуда вы знаете про старика? Я вам о нём не рассказывал.

– Тут и рассказывать нечего! Фёдор, он всегда на своём месте, сидит и курит, хоть утром идти будешь, хоть вечером. Ни в себе он, как бабку свою на тот свет проводил – так и скуксился. Сам всё мечтает поскорее с ней встретиться, мы на него внимания не обращаем. И если, как ты говоришь, сегодня по улице проезжал, то обязательно его встретить должен был, – Тамара села за стол напротив Вадима. – Да ты чай-то почему не пьёшь?

Вадим очнулся и сделал глоток чая, всё это время он внимательно слушал Тамару, с её слов стало понятно, почему старик был таким странным. Вкус чая показался ему каким-то неестественно горьким, но, наверное, таким и должен быть этот чабрец – трава как-никак. «Чай допью и поеду, хорошо здесь, но нужно ехать, неизвестно ещё сколько с тем деревом провожусь», – думал Вадим. Он поднял голову и посмотрел на часы, висевшие в углу. Часы стояли. Стрелки остановились на двух часах и десяти минутах. Вадим все ждал, что минутная стрелка с характерным щелчком сдвинется с места, но этого не произошло.

– У вас часы остановились, – заметил Вадим.

– Давно уже, – ответила Тамара, – как бабушка умерла, так и остановились. Вот, кстати, в это время она и умерла – ночью. Как только дух испустила, так сразу и часы встали, мне тогда всего пять лет было. Так и висят теперь, как украшение, напоминают о бабушке, она у меня хорошая была.

Вадим уже допивал чай, прикусывая предложенными конфетами. Тамара рассказывала о том, как тяжело сейчас приходится в опустевшей деревне, а уезжать из этих родных мест она не хочет. Женщина говорила, а Вадим начал замечать странные перемены вокруг: скатерть на столе из белоснежной превращалась в пожелтую, старую тряпку; потолок обрастал паутиной, побелка отслаивалась, шелушилась прямо на глазах; окно затянуло чёрной плесенью, она расплзалась по всей поверхности, как иней, не давая проникать внутрь дневному свету; картины выщвели, пожелтели краски и уже невозможно было разглядеть, что было на них; тарелка, где лежала картошка, треснула пополам и покрылась плесенью; появились большие черные мухи, они кружились под потолком, садились на стол и ползали по затянувшемуся чёрной плесенью окну. Но самые страшные перемены были в самой хозяйке дома: весёлые карие глаза превратились в два чёрных провала, настолько бездонных, что можно было падать в них вечность и всё равно не достичь дна; кожа на лице отслаивалась, как старая краска, вспученная от воды, она отваливалась прямо на глазах, обнажая серые кости черепа; пальцы с хрустом ссыхались и скручивались, превращаясь из аккуратных женских конечностей в безобразные узловатые отростки, ногти вытягивались и загибались, больше напоминая когти какого-нибудь ястреба или другой хищной птицы; волосы стремительно седали, они извивались, словно черви, лезущие из земли, и отваливались, сыпались на пол, как высыпаемые из кулька длинные макароны, продолжая там шевелиться и ползать, словно змеи копошились и лезли в щели между досок, просачиваясь в пол; коричневый сарафан потускнел и превратился в истлевшие, бесформенные лохмотья, открывающие жёлтую гнилую плоть, кое-где выпирали кости рёбер, плоть отслаивалась, так же как и краска с пола; повсюду стояла невыносимая вонь тлена, гнили и разложения. У Вадима закружилась голова, перед глазами поплыли чёрные круги, он почувствовал, как остатки сознания покидают его. Женщина, если так можно было теперь назвать то существо, сидящее напротив него, громко засмеялась. Она смеялась, широко открывая безобразный, беззубый рот, источающий отвратительный запах гнили, изо рта вытекали сгустки гноя, растекаясь и размазываясь по подбородку, падая на грудь. Смех постепенно перешёл в хохот. Вадим узнал этот хохот – это был тот самый хохот, который он слышал ночью в лесу. Табурет, на котором сидел Вадим, с громким треском сломался и он завалился на пол. Ещё не успевшие скрыться в щелях пола волосы тут же поползли к нему, они начали забираться в нос, в уши,

лезли под одежду, больно впиваясь в кожу. Вадим не мог пошевелиться, тело не слушалось его. Оставалось лишь наблюдать за происходившим вокруг безумием и ждать, когда всё это закончится, а в том, что для него это закончится печально – Сорокин уже не сомневался. Существо поднялось со своего места, от него отвалилось ещё несколько кусков плоти, обнажая гнилые внутренности, теперь можно было увидеть, как внутри ещё недавно привлекательной хозяйки дома копошатся огромные красные черви, с омерзительным хлюпаньем ползающие среди кусков плоти и прокладываящие себе всё новые и новые пути сквозь гнилое мясо. Стуча по полу костяными наростами, в которые превратились ступни ног, существо подошло к лежащему без движения Вадиму.

– Потерпи ещё немного, мой мальчик. Скоро всё закончится. Не волнуйся, я позабочусь о тебе, обещаю! Тебе здесь понравится! – произнесло существо, голос был хриплым, булькающим и мало напоминал человеческий.

Язык отвалился и шлёпнулся на пол, продолжая шевелиться. Дальше речь уже была неразборчивой и напоминала какое-то бульканье. Чудовище замолчало и стояло молча, нависая над телом Вадима, словно трухлявое дерево, склонившееся над карнизом оконного проёма. На Вадима капали вонючие сгустки гноя, пропитывая одежду и заливая лицо. Перед глазами всё куда-то поплыло, Сорокин начал проваливаться в пустоту, появилось ощущение падения – полёта, а затем он отключился, и его накрыло плотным покрывалом беспомощности.

4. Тамара

Вадим находился в том же доме, но в другой комнате, расположенной сразу за кухней. Как он здесь оказался, Сорокин не помнил, но он был здесь не один. В комнате находились ещё двое: маленькая девочка лет пяти, в коричневом платьице в белый горошек и белых чулках, достоящих до колен, длинные чёрные волосы на голове заплетены в две косички, свисающие с плеч, и мужчина лет тридцати пяти, в чёрном поношенном костюме. Они сидели на стареньком, потёртом диване, занимающем чуть ли не половину стены, его массивная деревянная спинка больше напоминала дверки платяного шкафа. Нужно заметить, что обстановка комнаты была очень старомодной, годов пятидесятых – шестидесятых. Вадим не разбирался в антиквариате, но с уверенностью мог сказать, что все предметы, находящиеся в доме, были очень древними, словно он посетил музей истории. Белёные стены с наружной электропроводкой, которая представляла собой два переплетённых провода, тянущихся вдоль потолка и спускающихся под прямыми углами к пожелтевшим выключателям и розеткам, установленным на стенах; в центре комнаты, с потолка свисала лампочка в чёрном карболитовом патроне, освещающая комнату ровным, мягким светом; массивная лакированная стенка с посудой и круглый стол, накрытый кружевной накидкой, вязанной крючком вручную. Вадим обратил внимание на висевшую в углу большую чёрно-белую фотографию в деревянной рамке, обрамлённую чёрным, кружевным платком, на ней были запечатлены лица мужчины и женщины, которые с серьёзным видом смотрели на гостей. Ещё две фотографии, поменьше, стояли на подоконнике, частично прикрытые шторой, на одной из них был всё тот же мужчина с суровым взглядом, на другой – женщина, та же, что и на большом совместном фото. Над диваном, на котором сидели отец с дочерью, в том, что это были отец и дочь, Вадим почему-то не сомневался, висел огромный ковёр с изображением рогатого оленя на фоне леса. Здесь была ещё одна дверь, но она была закрыта, и оттуда доносились слабые стоны и невнятная речь. Там, за дверью, была вторая комната – спальня. Люди не замечали Вадима, словно его здесь не было, хотя тот и стоял рядом с ними. Вадим слышал, о чём говорят отец с дочерью:

– Папа, а бабушка скоро поправится? Почему нельзя к ней зайти? – спрашивала девочка.

– Как тебе сказать, Тамарка, сейчас бабушке плохо, у неё болит голова, и ей тяжело говорить. Ей пока приходится лежать, потому что она не может двигаться, лишь немного шевелить руками и ногами. Ещё у неё провалы в памяти, и с ней сложно общаться. Бабушка не узнаёт нас, но бывают моменты, когда она снова становится нормальной, и как только это случится – мы сразу же пойдём к ней, – объяснял отец.

– А что такое инсульт? – продолжала допытываться девочка. – Тётя врач сказала, что у бабушки инсульт.

– Не инсульт, а инсульт, – поправил отец, – это когда у человека в голове повышается давление и происходит кровоизлияние в мозг. После такого человек очень долго восстанавливается, в дальнейшем может частично потерять память, становится рассеянным, плохо говорит, у него может парализовать какую-нибудь часть тела, а в некоторых случаях, я бы даже сказал, что в большинстве, не выдерживает и умирает.

– И бабушка тоже умрёт!? – испугалась девочка.

– Я не знаю, Тамарка, там с ней сейчас врач, как только она выйдет – мы всё узнаем. Я думаю, что бабушка ещё поживёт – не переживай! Она у нас крепкая! – успокаивал мужчину.

Девочка хотела ещё что-то спросить, но дверь открылась и оттуда вышла женщина в белом халате, накинутом поверх домашнего платья. Вид у неё был заспанный, как будто её недавно выдернули из кровати. В комнате было два окна, и, хотя они были занавешены цветастыми шторами, Вадим всё равно заметил, что на улице ночь.

– Она хочет видеть внучку, – сказала женщина, – сейчас с ней всё нормально, она может разговаривать и хочет поговорить с девочкой.

Мужчина с недоверием посмотрел на женщину, но та кивнула ему, давая понять, что всё нормально, и девочка может спокойно пройти к бабушке. Девочка, не дожидаясь разрешения отца, побежала к двери. Женщина отступила в сторону, освобождая путь ребёнку.

– Боюсь, что Варвара Семёновна долго не протянет, – сказала она мужчине, дождавшись, когда девочка зашла в комнату, – самое большее – до утра. Она внучку попрощаться позвала, но вы не бойтесь: бабушка соображает, что делает, хотя и с трудом может говорить.

Мужчина молча кивнул и снова сел на диван, в какой-то момент он поднялся с него и собирался пойти за дочерью, но, после слов женщины, немного успокоился. Вадим проследовал к двери, мимо женщины, которая, как он понял, являлась местным фельдшером, и вошёл в спальню, сразу после этого дверь за ним закрылась. Ни фельдшер, ни девочка, ни мужчина – никто не замечал его присутствия. Сам Вадим не чувствовал своего тела, словно его не существовало, а был лишь разум, который и воспринимал всё происходящее вокруг. Справа от входа висело большое зеркало в деревянной раме, оно было метр высотой и полметра шириной, оно было накрыто чёрной тонкой тканью и лишь по приоткрытому нижнему углу, где ткань сдвинулась в сторону, Вадим догадался, что это не картина в раме, а именно зеркало. Под зеркалом стояла небольшая лакированная тумбочка, с женскими принадлежностями в виде нескольких расчёсок и ножниц, а ещё какая-то деревянная шкатулка, по всей видимости, с украшениями. Дальше, сразу же за зеркалом, начиналось окно. Слева от входа, угол занимала часть печи, это было характерно для смежных комнат, где имеется две печи: большая на кухне – «Русская печь», которая отапливает прихожую и кухню, а вторая располагается между двух смежных комнат, и намного меньше размерами, чем «Русская печь». Неподалёку от печи, вдоль стены, стояла металлическая кровать с панцирной сеткой, на кровати лежала дряхлая старуха в чёрном платке. Тело наполовину было укрыто вязаным пледом, руки лежали вдоль туловища, измождённое, бледное лицо выражало нестерпимое душевное страдание. Рядом с кроватью стоял большой табурет, накрытый вязанной круглой накидкой, на этом табурете сидела девочка, её ноги болтались в воздухе, а руки лежали на коленках. Девочка была повернута лицом к старухе, и Вадим видел лишь её спину, две косички, в которые были заплетены волосы, мирно лежали на плечах девочки, она что-то говорила своей бабушке:

– Баба, ты же не умрёшь? Когда ты поправишься? – плаксивым голосом расспрашивала она старуху.

– Прости, внучка, помираю я! Но ты не переживай за меня, я уже старенькая, пожила своё! Хватит уж, отмучилась! – голос был хриплым, каждое слово давалось с большим трудом, проговаривая слова, старуха часто останавливалась, чтобы отдышаться. – Теперь твоя очередь жить, род наш продолжать. Придвинься ко мне поближе, Тамарка, дай хоть на тебя последний разок взглянуть. Хочешь бабушке помочь, боль немного приглушить? Дай мне свою ручку.

Девочка заплакала и придвинулась поближе, так что можно было дотянуться до старухи. Не переставая плакать, Тамарка взяла худую, ссохшуюся руку бабушки и крепко сжала её.

– Тебе легче, баба? Теперь ты не умрёшь? – сквозь слёзы говорила девочка.

– Нет... теперь я не умру... – старуха начала задыхаться: её тело выгнулось дугой, голова запрокинулась назад, глаза закатились, костлявая рука крепко сжала хрупкую ладошку девочки. Пару минут старуха дёргалась в предсмертной агонии, из горла вырывались хрипы умирающего человека, затем тело обмякло и замерло навсегда. Голова откинулась на бок и на Вадима уставились мертвые, закатившиеся глаза старухи. Девочка плакала навзрыд, сотрясаясь всем телом, Вадиму стало не по себе, захотелось поскорее покинуть это место, он сделал шаг назад, отходя к выходу. Створка окна резко распахнулась, издав при этом громкий скрип, по комнате пронёсся лёгкий порыв ветра, и чёрная ткань, накрывавшая зеркало, соскользнула на пол, как будто её сдёрнула чья-то невидимая рука. На поверхности зеркала отразилась

комната, но в более блёклых, более тёмных красках, казалось, это какая-то другая комната, намного старше этого дома, скорее напоминавшая склеп или пещеру. На всём этом фоне выделялась кровать с усопшей и девочка, сидящая рядом. Отражение девочки было нормальным, а вот старуха... Отражение старухи смотрело прямо на Вадима, только вместо глаз было две чёрных дыры, носа на лице не было, вместо него над обрывками верхней губы виднелся безобразный коричневый хрящ, в целом это было то самое существо, которое так легко заманило Вадима в своё логово. Сорокин, не отрываясь, следил за отражением в зеркале: девочка по-прежнему рыдала над телом бабушки, вот только сама бабушка... Существо в зеркале пошевелилось, оно приподнялось и село на кровати. Девочка ничего не замечала и продолжала плакать. Вадим перевёл взгляд на кровать с умершей – старуха лежала на месте, всё так же закатив глаза. Тамарка всё так же сжимала руку мёртвой бабушки, но в зеркале существо уже опустило на пол свои безобразные конечности, напоминавшие вываренные куриные крылья. Ещё мгновение, и вот мерзкое создание уже стоит у самой кромки невидимой границы, разделяющей этот мир и жуткое зазеркалье. Всего один шаг и уродливые конечности старухи дотянутся до Вадима, ведьма вопьётся в него своими гнилыми, жёлтыми зубами. Вадим быстро поднял с пола слетевшую ранее ткань и накрыл зеркало. В последний момент ткань оттянулась под давлением чьей-то руки, старуха всё-таки пересекла черту, но наткнувшись на завесу, отступила назад. Девочка неожиданно перестала рыдать, плач оборвался, словно по команде. Теперь всё внимание Вадима занимала Тамарка, с ней явно было что-то не так. Она начала медленно поворачиваться к нему лицом, лампочка замигала и, казалось, что вот-вот разлетится на сотни раскалённых осколков по всей комнате, но этого не произошло, лишь створка окна закрылась так же резко, как и до этого распахнулась. Стало трудно дышать, Вадим никак не мог дождаться того момента, когда девочка полностью повернётся к нему лицом. Ничего хорошего он почему-то не ожидал. Когда он увидел лицо – ему стало плохо: на него смотрело лицо старухи, с тем же выражением, которое было в момент смерти. Тамарка – всё, кроме лица, принадлежало ей и оставалось таким же, вплоть до косичек и чулок, но лицо... На Вадима смотрели те самые глаза покойной старухи, зрачков не было видно – они закатились. Девочка-старуха открыла рот, оттуда вылетело с десятков больших чёрных мух. Мухи разлетелись по комнате, а изо рта вырвался душераздирающий крик. Крик становился всё громче и громче, он нарастал, пока не стал таким невыносимым, что Вадим рухнул на колени и зажал уши руками. На какое то время это помогло, этого хватило, чтобы сосредоточиться и принять решение. Решение было одно – бежать отсюда, неважно куда, лишь бы поскорее покинуть этот проклятый дом. Вадим поднялся на ноги и, распахнув дверь, кинулся прочь, через комнату. На его пути попались отец девочки и женщина-фельдшер, они торопились в ту комнату, которую только, что покинул Вадим, на их лицах был испуг. Преодолев зал, Вадим оказался на кухне, здесь его угощала обедом Тамара, только на этот раз обстановка была совсем иной, намного старше чем тогда. Из всех предметов лишь часы были неизменны, и сейчас эти часы стояли, показывая два десять ночи. Не останавливаясь ни на миг, Вадим достиг входной двери и хотел уже выскочить на веранду, а там уже было недалеко до свободы, когда в проёме возникла сутулая фигура старика. Старик преградил дорогу Вадиму, он что-то бормотал себе под нос, а в руках держал какую-то бутылку с зеленоватой жидкостью. Старик сделал большой глоток из бутылки и теперь ждал, когда Вадим приблизится к нему, и, когда это случилось, брызнул изо рта прямо в лицо Сорокина тем, что ранее отхлебнул из бутылки. Лицо обожгло, перед глазами заплясали круги и в тот же момент всё вокруг начало меняться: возвращалась прежняя реальность, за окнами быстро светлело, а обстановка дома таяла на глазах. Сам дом таял, превращался в развалины, происходили фантастические метаморфозы. Та отвратительная реальность отступала, и вместо неё возвращалось настоящее.

Вадим не знал, сколько времени прошло, он с огромным трудом открыл глаза, яркий свет чуть не ослепил его. Он сидел на перекошенном трухлявом крыльце, у покосившейся веранды

полуразрушенного дома, над ним, с бутылкой в руке, той самой, с зелёной жидкостью, стоял старик. Это был тот самый старик, которого Вадим встретил на улице, в деревне.

– Ну, вот! Кажись, очнулся. С возвращением, сынок! – произнёс он и улыбнулся.

5. Старик

Раскалённое уставшее солнце уже клонилось к закату, медленно направляясь в сторону горизонта. Редкие пушистые облака не спеша проплывали над лесом, иногда сбиваясь в небольшие группы, а иногда наоборот – распадались на более мелкие хлопья. День постепенно подходил к концу. От высоких сосен медленно поползли длинные, кривые тени. Тени, словно бестелесные существа, обладающие разумом, подбирались к холму. На вершине холма, между двумя высокими елями, ссутулился одинокий дом. Дом был заброшен. Жизнь в этом ветхом, забытом жилище давно погасла, и теперь некогда ухоженная прилегающая территория превратилась в пустырь, сплошь поросший высоким бурьяном. Вид самого дома вызывал уныние. Оставшись без присмотра человека, он постепенно превращался в бесформенную грудку брёвен, сложенных в квадрат правильной формы, увенчанный двухскатной крышей, крытой листовым шифером. У поваленного штакетника, успевшего частично сравняться с землёй, стояла «девятка», от калитки остались лишь трухлявые столбики с ржавыми петлями. На крыльце сидели Вадим и старик. Внешне Вадим сейчас скорее напоминал огородное чучело, чем молодого парня двадцати восьми лет. Серая футболка с белой полосой, идущей поперёк груди, вся была заляпана какими-то грязными пятнами и пропитана пылью. Чёрные спортивные штаны, с белыми продольными полосками, так же измазаны грязью. Взъерошенные волосы и опухшее лицо наталкивали на мысль о недельной попойке. Серые носки на ногах напоминали грязные портянки. Рядом, на ступеньках, стояли кроссовки – единственные из всей одежды Вадима, они не потеряли внешний вид, даже несколько не испачкались. Вадим сидел на самой верхней ступени и держал голову руками, ему было невыносимо: голова болела так, что хотелось провалиться сквозь землю и забыться в беспомощности, сейчас он отдал бы палец на отсечение, чтобы заглушить эту боль, да что там палец – ладонь бы не пожалел. Старик тем временем неторопливо достал из кармана какую-то маленькую коробочку, положил её возле себя, затем из другого кармана вытащил обрывок газеты, как-то по-хитрому скрутил газету в козью ножку, открыл коробочку, взял оттуда щепотку табака и засыпал самосад в самокрутку. Помяв немного пальцами получившуюся папиросу, чтобы равномернее распределить табак, старик чиркнул спичкой, взятой из коробка, который так же достал из кармана, и поднёс её к самокрутке. Бумага подхватила пламя, и папироса начала тлеть, старик жадно затянулся:

– Говорила моя старуха, что эта отравка меня в могилу загонит, а я бы и рад был, да не могу, – сказал старик после долгой затяжки, – дела незаконченные есть, а помочь некому. Устал я... Слишком долго уже землю родимую топчу. Я ведь сразу неладное почуял, как только тебя увидел, как знал, что ты в беду попадёшь. Ты ведь тогда сам не свой был, со мной разговариваешь, а взгляд где-то далеко отсюда. Потом, когда ты уже уехал, меня тревога сильная одолела, я за тобой пошёл, думаю: «Парня выручать нужно, пропадёт ведь зазря!» Слишком много я за последнее время людей схоронил. Хватит! Как сюда добрался, смотрю машина твоя стоит, дальше прошёл – обувь на крыльце, ну всё думаю – опоздал, опоила ведьма проклятая! Ты не представляешь, как я обрадовался, когда тебя на полу нашёл! Лежишь весь в пыли, в мусоре, рядом табурет трухлявый сломан пополам, а глаза дикие, так по сторонам и бегают. Я скорей тебя на улицу вытащил, да настойкой полынной лицо окропил, чтоб из забытья возволить, да наваждение отогнать, пока не поздно. Ещё бы чуть-чуть и всё! Поздно было бы! Если бы до темноты не успел, то забрала бы она душу твою, своей воле бы подчинила, и стал бы ты шатуном.

– Кто такой шатун? – впервые за всё время подал голос Вадим, слова давались ему с большим трудом.

– А это ты скоро узнаешь, не спеши! Сейчас нам с тобой уходить отсюда нужно, пока тени на холм не приползли, как только тьма этот дом накроет – никому не поздоровится. Ночью лучше отсюда подальше держаться. Сам-то сможешь идти?

– Смогу, голова только раскалывается!

– Терпи, пройдёт скоро. Тебе повезло, что так легко отделался, мог бы рассудок потерять, на всю жизнь бы дурачком остался, – старик протянул бутылку с настойкой. – На вот, выпей ещё немного, чтобы в себя прийти. Ты не смотри, что горькая, по-другому никак. Зато всю оставшуюся дурь из тебя выбьет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.